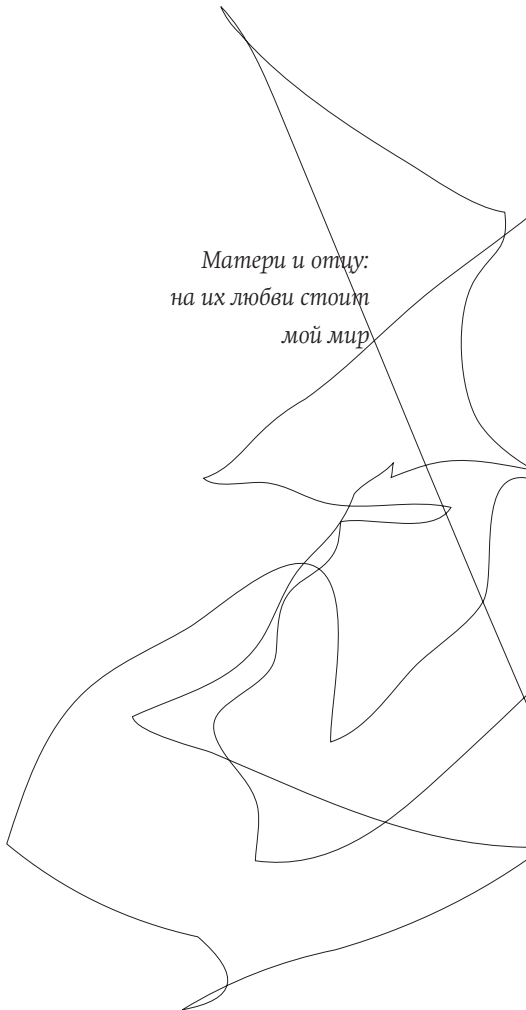

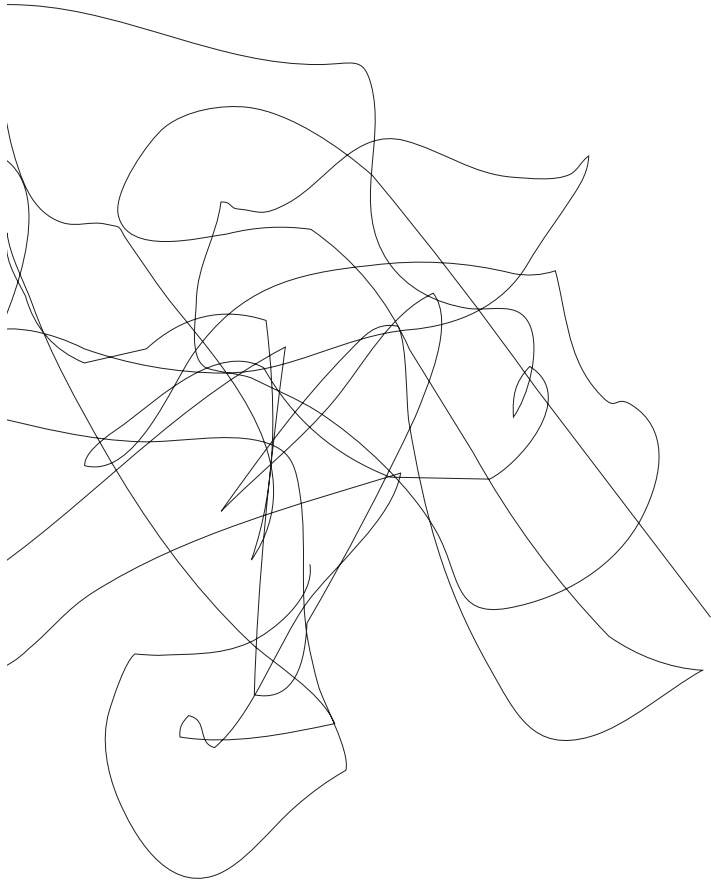
ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	11
АВГУСТ	13
СЕНТЯБРЬ	96
ОКТЯБРЬ	179
НОЯБРЬ	255
ДЕКАБРЬ	296
ЯНВАРЬ	339
ФЕВРАЛЬ	364
МАРТ	410
АПРЕЛЬ	447
МАЙ	474
ИЮНЬ	518
ЭПИЛОГ	545
БЛАГОДАРНОСТИ	557

*Матери и отцу:
на их любви стоит
мой мир*

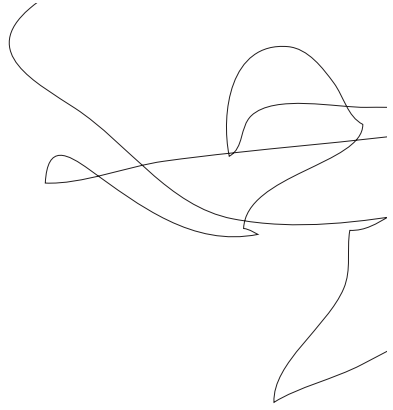
Четверо вошли в Пардес: Бен-Азай, Бен-Зома, Ахер и рабби Акива. Бен-Азай глянул — и умер; о нем Писание говорит: “Дорога в глазах Господа смерть тех, кто предан Ему”. Бен-Зома глянул — и повредился в уме, и о нем Писание говорит: “Мед нашел ты — ешь в меру, а то пресытишься им и его изрыгнешь”. Ахер — порубил посадки; рабби Акива вошел в мире и вышел в мире.

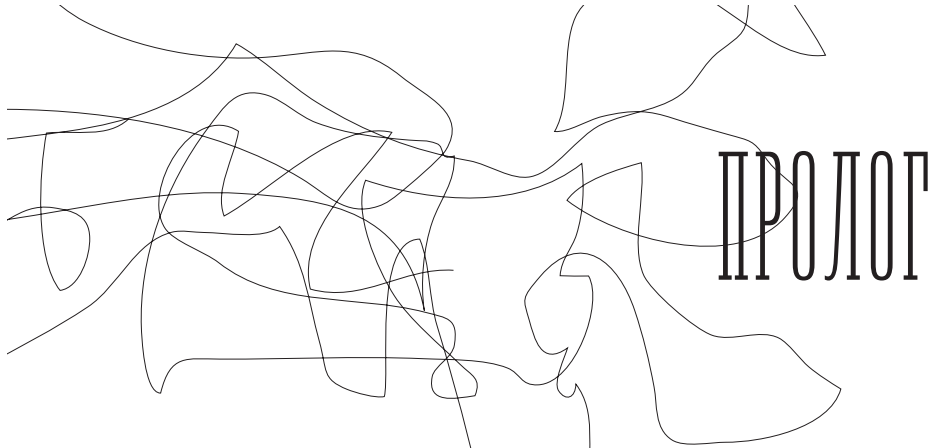
Вавилонский Талмуд (Хагига, 14б)

Уйти во тьму, угаснуть без остатка,
Не знать о том, чего не знаешь ты,
О мире, где волненье, лихорадка,
Стенанья, жалобы земной тщеты;
Где седина касается волос,
Где юность иссыхает от невзгод,
Где каждый помысел — родник печали,
Что полон тяжких слез;
Где красота не доле дня живет
И где любовь навеки развенчали.

Джон Китс. “Ода соловью”¹

1 Перевод Е. Витковского. — Здесь и далее примеч. перев.

— Трагедия мертва?

Вот о чем я спросил миссис Хартман, когда все закончилось, мне тогда не давали покоя любые роковые ошибки, кроме собственных.

Она не уточнила, почему меня это интересует. Попросила лишь сформулировать, что такое трагедия. Я ответил, что это невозможно: трагедия — не философия, ее не сформулируешь, ее можно только почувствовать.

Миссис Хартман покачала головой.

— Возвышенная грусть, — сказала она. — Вот что такое трагедия.

Я раздумывал об этом в ту ночь, в самые последние мгновения, стоя бок о бок с Эваном и Амиром перед полицейскими, пожарными машинами, телами погибших. На перепачканном сажей лице Эвана застыло странное выражение.

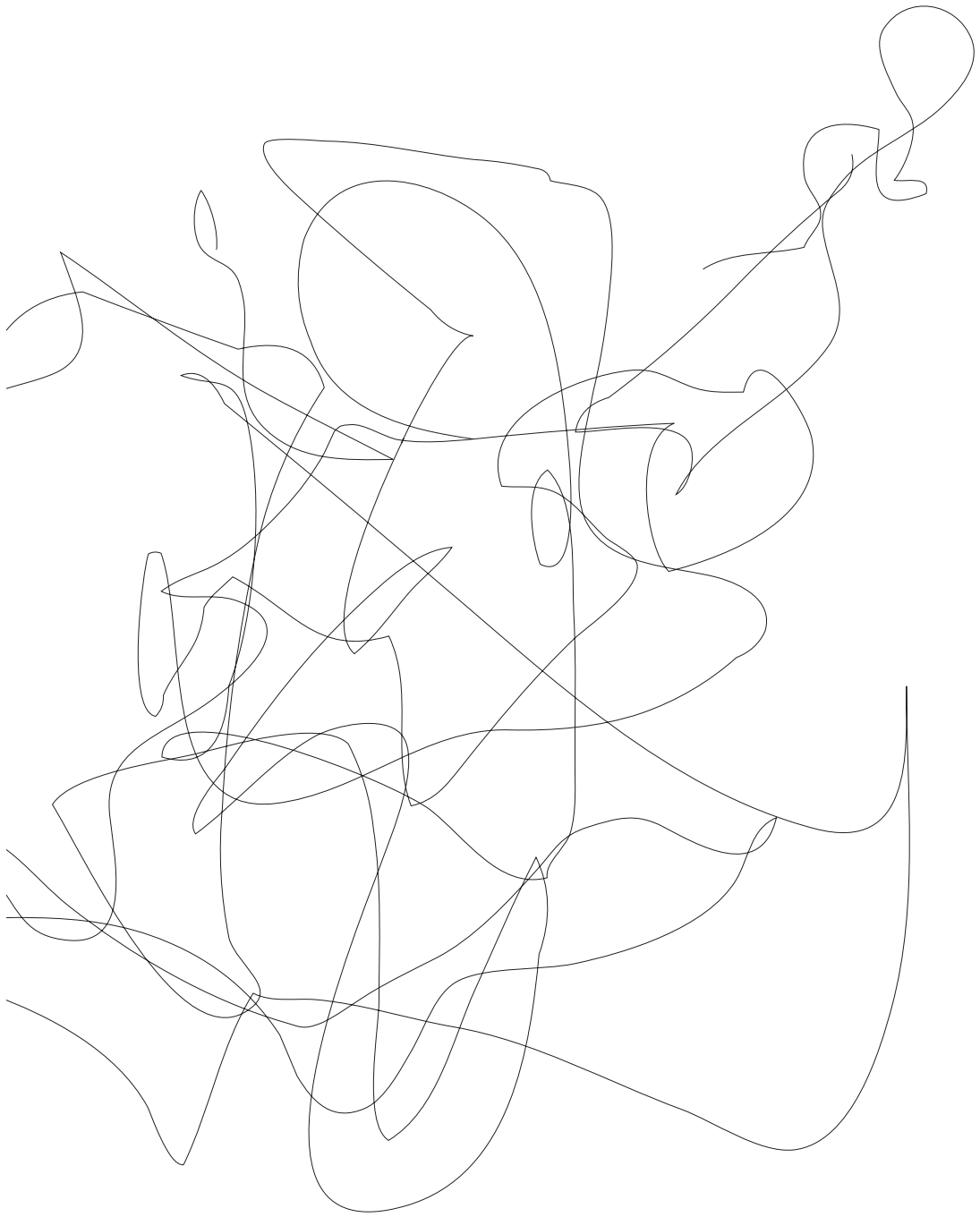
— Интересно, видит ли это Ноах, — печально и тихо проговорил он.

После всего, что было в наш последний учебный год, я почему-то вдруг расплакался от того, как он это произнес. Если это не возвышенная грусть, подумал я, тогда что же.

— Ну как, мистер Иден? — Миссис Хартман моргнула. — Умерла она с греками?

— Нет, — ответил я. — Вряд ли.

*В путь, друзья.
Еще не поздно новый мир искать.*

Альфред Теннисон. “Улисс”¹

Первые семнадцать лет моей жизни прошли в Бруклине. С детского сада по одиннадцатый класс — туманные доисторические годы — я посещал маленькую ешиву “Тора Тмима”, перевод названия которой, “Тора совершенна”, был нашим кредо. Занимались в школе только мальчики, в каждой ступени по тридцать учеников в черно-белой форме, — правда, “образованием” это можно назвать с натяжкой, скорее, пародией на него. Раввины говорили только на идише и наотрез отказывались преподавать все, хоть как-то связанное с эволюцией. Бывшие хиппи, вырванные с улиц, неспособные найти работу в обычной школе, распинались перед нами о правах и обязанностях граждан. Уроки математики оборвались в девятом классе: мистер Альварес, единственный компетентный учитель, решил, что сыт по горло нашей чудесной страной, и вернулся в Аргентину. Тора была совершенна, наше образование — нет.

Впрочем, общину это ничуть не смущало. Все прекрасно понимали, что это в первую очередь ешива и лишь во

¹ Перевод И. Мандела.

вторую — школа, и главная ее цель — “неуклонное развитие учеников, которые должны стать современными знатоками Торы”, ну и, если останется время, хвататься в светских предметах. Большинство выпускников годами бесцельно скитались по стране, учились то в одном, то в другом *бейт-мидраше*¹, там, где некогда занимались их отцы, где почетным меценатом числился троюродный дядя, — да, в общем, везде, где им предлагали ночлег. О колледже никто не задумывался. Я лишь теперь понимаю, что это и есть прекрасная жизнь.

Мои родители жили как все — по крайней мере, тогда. Отец работал бухгалтером в маленькой местной фирме — таких, пожалуй, в общине было меньшинство, остальные отцы день-деньской изучали или преподавали Тору. Но, несмотря на это, мой отец считал себя образованным человеком, любил напомнить мне, что мой дед был довольно-таки известным в Уильямсбурге раввином из рода талмудистов средней руки, и в свободное время увлеченно учился. Профессия его была безмерно скучной, но он довольствовался своим уделом и питал слабость к благочестивым обобщениям: “Боящимся Бога песчинкам в бескрайней вселенной завидная карьера ни к чему”. Коротко говоря, он идеально вписывался в нашу общину: седеющие волосы, усталая улыбка — я не знаю человека проще.

Мать — худощавая, изящная (с некоторыми женщинами уходящая молодость никак не может расстаться) — была незауряднее отца. Ее родители, чикагцы в третьем поколении, соблюдали традиции с пятого на десятое: время от времени собирались за шаббатней трапезой, в Дни трепета² ходили в синагогу, свинины не ели, но омарами³ не брезговали.

1 Место изучения Торы, Мишны, Талмуда и послеталмудической раввинистической литературы.

2 Период от Рош ха-Шана до исхода Йом-Киппура.

3 Омары считаются некошерными, как все моллюски и ракообразные.

На первом курсе Барнарда¹ она съездила в Израиль (поездку оплачивал “Гилель”²) и как-то в одночасье прониклась идеями духовного самосовершенствования, моральной дисциплины и общинной жизни, которые предлагал ортодоксальный иудаизм. Вернулась она обновленной, пошла в ученицы к местной ребецн, усвоила *мицвот*³, становившиеся все сложнее, и к концу осеннего семестра перевелась в Стерн⁴. Вскоре ей устроили *шидух*⁵ с моим отцом.

Меня всегда живо интересовало мамино чикагское детство, но она мало что рассказывала. Уверяла, будто бы толком ничего не помнит. На все свои вопросы — каково это, не соблюдать кошер и субботу, ходить в обычную государственную школу, — вместо разумных ответов я получал нагоняи, в основном от отца: помалкивай о том, что мать *баалат-тшува*, то есть неофитка. Мать утверждала, что настоящая ее жизнь началась только с моим отцом. После свадьбы она получила диплом магистра в Тичерс-колледже⁶ — редкость среди матерей моих знакомых. Она вела занятия у четвертых классов “Тора Тмима” и сама видела, как скверно учат в нашей ешиве.

— Арье, — сказала она в пятом классе, когда выяснилось, что мой учитель воспринимает обязательный список художественной литературы как личное оскорбление, — расширять свой кругозор — это нормально.

Каждый день после уроков мы с мамой шли в библиотеку Боро-Парка⁷. Я поглощал книги, которые она предлагала, — “Убить пересмешника”, “Приключения Тома Сойера”,

1 Барнард-колледж — частный женский гуманитарный колледж в Нью-Йорке, один из старейших и самых престижных на Восточном побережье.

2 “Гилель” — крупнейшая еврейская молодежная организация в мире.

3 Заповеди, предписания (*ивр.*).

4 Колледж Стерна — ешива для женщин в Нью-Йорке.

5 Шидух — знакомство потенциальных супругов, которое устраивает шадхан, сват.

6 Один из колледжей Колумбийского университета.

7 Район в юго-западной части Бруклина.

“Цветы для Эджернона”, “Излом времени”¹. Вскоре я после школы в одиночку ехал в библиотеку на велосипеде и устраивался в уголке; библиотекарь, миссис Сандерс, с ангельски-серебристыми волосами и кошачьими глазами, оставляла мне стопки “обязательных” книг. “Их никто не читает, — говорила она. «Ночь»². «Смерть коммивояжера»³. — Наверстывай за всех”. Эмили Дикинсон как-то написала, что ее отец читал “одинокие и строгие книги”. Вот и я превратился в задумчивого подростка, вечно окруженного одинокими строгими книгами.

Так я получил хоть какое-то подобие образования. На уроках английского я всегда выделялся — пусть потому лишь, что пугающее число моих одноклассников были почти неграмотны. Их родители довольствовались тем, чему нас умудрялись научить в школе (то есть на удивление малым), они вообще предпочли бы, чтобы их отпрыски занимались исключительно Талмудом.

— Что ты делаешь в библиотеке? — спрашивал мой друг Шимон. У него были до смешного длинные пейсы, которые он оборачивал дважды вокруг ушей, и доброе тонкое лицо, неизменно покрытое прыщами; рубашка его представляла собой мозаику клякс от обеденного кетчупа и пятен грязи от возни на перемене. — У тебя там какой-то *шиур*?⁴

— Думаешь, в библиотеке учат Гемару?⁵

— Угу.

Я покачал головой.

— А что тогда?

— Там книги, Шимон.

— *Сфарим*⁶, что ли?

1 Роман американской писательницы Мадлен Л’Энгл (1918—2007).

2 Книга о Холокосте американского писателя Эли Визеля (1928—2016).

3 Пьеса американского драматурга Артура Миллера (1915—2005).

4 Урок (*ивр.*).

5 Свод дискуссий и анализов текста Мишны. В обиходе Гемарой часто называют Талмуд в целом и по отдельности все составляющие его трактаты.

6 Священные тексты, написанные на иврите или арамейском.

— Нет, — ответил я. — Настоящие книги. Хочешь со мной?

Он нахмурился:

— Мне нельзя.

— Почему?

— Отец говорит, такие вещи пятнают *нешаму*¹.

Я люблю одно стихотворение Джейн Кеньон. Три строфы, десять строк, довольно грустное. Называется “В доме престарелых”, старение в нем уподоблено дикой лошади, которая пасется на привязи и день ото дня сужает круги, так что в конце концов они исчезают вовсе. В отрочестве мне казалось, что оно очень точно описывает душу моего детства, нехоженую пустоту сжимающихся кругов, в которой я обитал. Порой мне представлялось, что я совсем один, вне мира, ни с кем и ни с чем не связан, точно незримые помочи, соединяющие человека с его окружением, в моем случае ослабли. Я ни с кем не был связан, приучился карабкаться по сжимающейся действительности без крюков и веревки. Мне оставалось лишь вглядываться в надвигающийся мрак и терпеливо ждать в одиночестве, словно лошадь у Кеньон, когда какая-нибудь сила, любая сила, заберет меня и перенесет в мою настоящую жизнь.

Родители сообщили мне новости в феврале, посреди тусклого снегопада.

— Арье, — отец нервно отложил приборы, промокнул губы салфеткой, — мы с *имой*² хотим с тобой кое-что обсудить.

Как правило, мы ели в тишине. Я был единственным ребенком, мать подавала на стол, поначалу мы, как положено, поддерживали беседу, но потом всегда замолкали.

¹ Нешама — душа (*ивр.*).

² Има — мама (*ивр.*).

В большинстве знакомых семейств была куча детей (у Шимона, например, было семеро братьев и сестер), и все это в маленьком доме; обычно мне нравилось, что я сам по себе, но порою я невольно думал: быть может, в такой суматохе мне было бы менее одиноко.

Отец кашлянул.

— Я потерял работу.

Меня охватила грусть от его растерянного вида, от того, как мама пристально разглядывала грязное пятнышко на полу, от серой унылой метели за окнами. Я ничего не сказал, надеясь, что молчание мое истолкуют как сочувствие, а не как равнодушие.

— Тебя уволили? — наконец нашелся я (пожалуй, вопрос мой прозвучал бестактно).

— Формально нет. — Папа снова откашлялся, набираясь решимости. — В августе фирму закрывают.

Четырех человек в тесной сумеречной каморке во Флэтбуше вряд ли можно назвать “фирмой”, подумал я.

— То есть... сворачивают деятельность?

— Времена сейчас трудные, Арье, в экономике кризис.

Угу, кивнул я, в экономике.

— Мистер Вайнтрауб говорит, что ему придется нас закрыть.

— Кошмар, — мама теребила скатерть, — правда, Арье?

— Мне жаль, *аба*¹, — сказал я.

Мне правда было жаль: отец человек порядочный, благородный, готовый недосыпать, никогда не пропускать миньяны², не брать больничных, не жаловаться, что большая часть его скудного заработка уходит на оплату моего обучения. В общем, по моему мнению, он ничем не заслужил такого унижения.

— Наверняка ты скоро что-нибудь найдешь.

¹ Аба — папа (*ивр.*).

² Миньян — группа из десяти (или более) мужчин для совершения богослужения или проведения религиозного обряда.

— Дело в том, Арье, — ответил он, — что здесь работы толком нет.

Я провел пальцем по кромке стакана с водой.

— Может, мистер Вайнтрауб тебе что-нибудь подыщет?

— Он тоже остался не у дел, *небех*¹. Но мне кое-что предложил один из деловых партнеров дяди Нормана.

— Дяди Нормана?

Папин старший брат, тучный, лысеющий тип, славился тем, что умудрялся вкладывать деньги в самые провальные затеи: закоптелый кошерный стейк-хаус, разорившийся через два месяца; только что открывшуюся прачечную самообслуживания в Куинсе; компанию, торговавшую неисправными пылесосами. Отец, как и большинство разумных членов его семейства, старался не связываться с Норманом.

— Ты доверяешь знакомым Нормана?

— Воздержусь от *лашон ара*². — Он примолк. — Но если честно, нет, конечно. Впрочем, мистер Вайнтрауб человек достойный. И мистер Вайнтрауб поручился за этого знакомого.

— А. — Я неуверенно взглянул на мать, надеясь, что она объяснит мне причину такой спешки. — Тогда хорошо.

Мама снисходительно улыбнулась.

— Ничего особенного, но платят больше. *Барух ха-Шем*³.

(Пауза.) Правда, есть одно “но”.

Я поднял брови:

— Какое?

— Работа эта не в Бруклине.

— А где? В Нью-Джерси?

Папа покачал головой:

1 Увы, к сожалению (*идиш*).

2 Лашон ара — запрет произнесения любых слов, которые унижают других: сплетен, наговоров и прочего, в случае если они правдивы. Папа Арье фактически говорит: “Не хочу отзываться о нем дурно”.

3 Слава Всевышнему (*ивр.*).

— В Южной Флориде. В городе под названием Зайон-Хиллс.

— Во Флориде?

— Там гигантская еврейская община. Дядя Норман говорит, арендная плата там меньше, да и жилье лучше. Ему уже пригласили на собеседование в тамошнюю начальную школу.

— Причем эта школа может себе позволить такую роскошь, как грамотность и туалеты для учителей, представляешь? — Мама выдавила радостную улыбку. — Да и для старших классов там элитарная ешива. У нее блестящая репутация.

Я вдруг поразился тишине нашего дома — тяжелой, глухой. Я взглянул на отца и вернулся к еде.

— Ладно.

Наверное, тон, каким я это сказал, тот факт, что столь значительное решение не вызвало во мне отклика, можно было счесть тревожным признаком: на душе у меня неспокойно. Я редко смотрел фильмы, ведь это же Боро-Парк, там опасаются духовной заразы, но я знал, что в кино это наверняка был бы напряженный момент. Однако сам ничего такого не чувствовал — ни грусти, ни страданий из-за неожиданных перемен. Напротив, мысль о том, что я освобожусь от нескончаемого однообразия моего нынешнего существования, будоражила, точно предвкушение побега. Я устал от неизбежной, неумолимой чеховской скуки, устал сидеть в одиночку в библиотеках и сожалеть о том, что мне не дано изведать, — о мучительной любви, великих странствиях и *ностосе*¹. Где-то там, далеко, думал я, кипит лучшая жизнь, полная не только отголосков, но и звуков счастья. Бэкон утверждал, будто бы все люди поклоняются “идолам пещеры”, то бишь тем верованиям, из которых и складывается наша натура и — по крайней мере, в моем случае — наш

¹ Ностос — мотив в античной литературе, возвращение героя на родину.

провал. Мои же идолы, как я теперь понимаю, были тако-
вы: глубинное презрение к серому на сером¹ и нетерпи-
мость к тому, что Фрейд называл “заурядно-безрадостной
жизнью”.

Родители недоуменно переглянулись.

— Ладно?

— В смысле, я не возражаю, — сказал я.

— Быть может, тебе нужно подумать, — предположил
отец.

— Меньше всего нам хочется вырывать тебя из привыч-
ного окружения, — добавила мать.

— Мы всё понимаем, — продолжал отец. — Если нуж-
но, я могу на год найти какую-нибудь другую работу, пока
ты не окончишь школу. Возможно, нам придется туговато,
но мы ведь верим в *ашгаха пратит*², верно? *Хашем*³ порой
устраивает все так, как и не ожидаешь.

Мать взяла меня за руку:

— Мы понимаем, что здесь вся твоя жизнь.

Я покачал головой:

— Я хочу уехать.

Я опустил глаза и продолжил жевать. На улице белел
снег и сверкал лед.

Ребятам я рассказал обо всем лишь в июне, в наш послед-
ний день в одиннадцатом классе. Мы сидели на пло-
щадке за школой. На качелях Шимон, Мордехай и Реу-
вен спорили о Гемаре, которую мы изучали: при каких
условиях можно нарушить шаббат, чтобы спасти жизнь.

1 Аллюзия на цитату из предисловия Гегеля к “Философии права”: “Когда философия начинает рисовать серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, можно только понять; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек”. В данном контексте серое на сером — синоним скуки.

2 Божественное провидение (*ивр.*).

3 Дословно — “имя” (*ивр.*). Здесь: Всевышний.

Литературно-художественное издание

ДЭВИД ХОУПЕН
ПАРДЕС

18+

Роман

Перевод Юлия Полещук

Редактор ЛЮБОВЬ СУММ

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Корректоры ОЛЬГА АНДРЮХИНА, ОЛЕСЯ ШЕДЕВР

Компьютерная верстка ЕВГЕНИЙ ДАНИЛОВ

Главный редактор ИГОРЬ АЛЮКОВ

Директор издательства АЛЛА ШТЕЙНМАН

Подписано в печать 07.03.23 г. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Усл. изд. л. 35,0. Заказ № 0809/23.
Тираж 3500 экз. Гарнитура “Свифт”.

Издательство “Фантом Пресс”:
Лицензия на издательскую деятельность код 221
серия ИД № 00378 от 01.11.99 г.
127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5А, 1700
Тел.: (495) 787-34-63
Электронная почта: phantom@phantom-press.ru
Сайт: www.phantom-press.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ООО “ИПК Парето-Принт”,
170546, Тверь, Промышленная зона Боровлёво-1, комплекс № 3 “А”
www.pareto-print.ru

По вопросам реализации книг
обращаться по тел./факсу (495) 787-36-41.

ISBN 978-5-86471-927-5

9 785864 719275 >